

Василий Аксенов

Местный хулиган Абрамашвили

*Часть сборника
Гибель Помпеи (сборник)*

Василий Аксенов

Местный хулиган Абрамашвили

«ЭКСМО»

1964

Аксенов В. П.

Местный хулиган Абрамашвили / В. П. Аксенов — «Эксмо», 1964

ISBN 978-5-457-11940-6

«Почти всегда Георгий ночевал прямо на пляже под тентом. Сразу после танцев, проводив ту или иную даму, он шел на пляж, проверял замки на своих лодках, а потом затаскивал под тент какой-нибудь лежак и растягивался на нем, блаженно и медленно погружался в дремоту. Несколько секунд, отделявших его от сна, заполнялись солнечными искрами, плеском воды, смехом, стуком шариков пинг-понга, писком карманных радиоприемников, голосами Анкары и Салоник, шарканьем подошв на цементе...»

ISBN 978-5-457-11940-6

© Аксенов В. П., 1964

© Эксмо, 1964

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Василий Аксенов

Местный хулиган Абрамашвили

1

Почти всегда Георгий ночевал прямо на пляже под тентом. Сразу после танцев, проводив ту или иную даму, он шел на пляж, проверял замки на своих лодках, а потом затаскивал под тент какой-нибудь лежак и растягивался на нем, блаженно и медленно погружался в дремоту.

Несколько секунд, отделявших его от сна, заполнялись солнечными искрами, плеском воды, смехом, стуком шариков пинг-понга, писком карманных радиоприемников, голосами Анкары и Салоник, шарканьем подошв на цементе...

– Георгий? Ты спишь, Георгий?

Иногда к нему под тент приходили отдыхающие. Тогда он садился на лежак и делал зверское лицо.

– Уходи отсюда, ненормальная женщина! – говорил он. – Раз-два-три, чтобы я тебя не видел. Раз-два-три, нарушение режима!

И отдыхающие уходили, унося с собой как самое нежное воспоминание его грубый юношеский голос, вид его корпуса, облитого лунным светом, как самое трепетное и романтическое воплощение дней, проведенных на юге.

Утром его точно подбрасывала какая-то пружина, он вскакивал, длинными прыжками пересекал полосу холодной гальки, сильно бросался в воду, рассекал ее долго и стремительно, выныривал и переходил на баттерфляй, потом снова нырял и уже далеко от берега ложился на спину, глядя, как над хребтом поднимается огненный лоб солнца.

Этот горящий, полыхающий, саднящий глаза лоб солнца, и чистое небо, и маленькая точка утреннего вертолета из Гагры – все это обещало еще один день в цепи однообразного, пышного, бездумного, утомительного счастья. А для тех, кто, зевая, выходил на балконы дома отдыха, коричневая фигура, бегущая от воды, фигура с втянутым животом и мощной грудью, с длинными летящими ногами, фигура матроса спасательной лодки Георгия Абрамашвили, была первой приметой этого дня.

Не вытираясь – да полотенца не было и в помине – он натягивал на себя истертые джинсы тбилисского производства, повязывал на шее платок, подаренный одной немкой, всовывал ноги в сандалии и отправлялся на кухню. Там была повариха, русская женщина Шура, которая кормила Георгия.

– Ешь, Жорик, рубай, – говорила она, смахивая слезы, и ставила перед ним полную тарелку и отдельно на блюдечке три куска сахара и двадцать пять граммов масла.

– Шура, он пришел? – спрашивал Георгий, погружаясь в еду.

– Пришел. Принесла его нелегкая, – кивала Шура в окно. Значит, там под окном уже сидел ее муж: она была замужем за греком, пьяницей и дурнем. Обычно грек весь день сидел под окном кухни, питался, а к вечеру пропадал и колобродил всю ночь, где – неизвестно. Шура вечно была заревана, честила своего грека, но если утром его не оказывалось под окном, она горько бедовала, то и дело застывая, подпирая скрещенными руками свои тяжелые распаренные груди.

– Пришел, бестия! – вздыхала она. – Ох, неизвестная нация!

– Какая нация, Шура?! – вскрикивал грек, и в окне появлялась его сияющая физиономия с оплывшими щеками. – Какая нация?

– Сам знаешь, какая у тебя нация, – ворчала Шура, отворачиваясь от окна.

– Моя нация – шотлан, – куражился за окном грек.

– Ох-ох, – качалась, уперев руки в бока, Шура, глядя на него и словно издеваясь, а на самом деле не в силах сдержать любви. – Выпил, да? Выпил, да?

– Выпил, Шура! За твоё здоровье выпил!

– Ох-ох, ишь ты, герой! Герой – штаны с дырой!

– Дай поесть, Шура! – кричал грек и прятался на всякий случай.

Шура ставила на подоконник тарелку.

– Дай пятьдесят копеек, Шура! – кричал грек, хватая тарелку.

Шура замахивалась полотенцем, и муж ее скрывался надолго. Шура тогда подсаживалась к Георгию и невидящими глазами смотрела, как он ест.

– Сколько тебе лет, Шура? – спрашивал Георгий.

– Сороковка подходит, Жорик, – отвечала Шура, – а сама-то я воронежская, да ты знаешь.

– Старовата немного, Шура, – говорил он.

– То-то оно и есть, – вздыхала повариха и вдруг как-то воспламенялась и выпрямлялась: – Знаешь, какая я была? В санитарном поезде служила! Знаешь, девочка какая была – сапожки, ножки, талья вот такая, коса вот такая... Врачи за мной бегали с высшим образованием и в чинах, стихи мне писали...

– Шурочка! Ходы-ы сюда на закладку! – кричал шеф-повар, и она вставала.

– Покажу тебе как-нибудь карточку, Жорик. Влюбишься.

Георгию было жалко Шуру: второй сезон она его питала.

Он думал о том, что, если бы он родился пораньше и там, на войне, встретил бы ту самую Шуру, лихую девчонку с санитарного поезда, он бы тогда полюбил ее, и жизнь ее сложилась бы тогда иначе.

Качая головой и вытирая свои ранние усики, он выходил из кухни и шел к месту своей работы – к Черному морю.

– Гоги! – кричал ему какой-нибудь пингпонгист. – Дашь пять очков форы, сделаю тебя!

– Не смей меня, дорогой, – отвечал Георгий. – Десять очков получишь и проиграешь.

Он был одновременно королем пляжа и шутком; он ходил на руках и позировал перед кинокамерами, демонстрировал падения в волейболе; со всех сторон к нему несло его имя, ответственные работники старались быть с ним по-свойски; полдня он проводил в воде и слыл Ихтиозавром, морским дьяволом, дельфином; и впрямь, ему иногда казалось, что он возник где-то на большой глубине, в темных расселинах между скал. За свою работу он получал 40 рублей в месяц плюс питание; не густо, конечно, но жизнь эта его устраивала – в плеске, в шуме, в свисте, в музыке, покрываясь немыслимым загаром, он ждал призыва в армию; мускулы его росли.

Он следил за тем, чтобы не заплывали за боны, и в тот день, когда возле ялика появились две головы в голубых шапочках, он встал во весь рост и заорал:

– Назад, ненормальные женщины! Раз-два-три, нарушение режима! Раз-два-три, докладную подам!

Два смеющихся овала прыгали возле ялика, и в воде слабо колебались белые тела.

– Посмотри, Алина, какая анатомия? Какой эллинский тип? Ты видела что-нибудь подобное?

– Я ничего не вижу без очков, ах, я ничего не вижу!

Георгий шуганул их веслом. Голубые шапочки повернули назад.

Очкастую девицу он заметил уже на пляже. Узнать ее было нелегко после такой встречи в море. Она стояла возле самой воды, вытянувшись и подставив лицо солнцу. Она была высока, а рыжие волосы ее, густые и длинные, падали на спину. На ней почти ничего не было, только две узкие полоски материи на груди и на бедрах. Да и кроме того очки. Иногда она

их снимала каким-то удивительным движением – поднималась тонкая рука, поворачивалось чистое лицо с закрытыми глазами, вздрагивала рыжая грива.

Рядом с Георгием отдыхающая показала на очкастую.

– Как вам нравится? Голые скоро будут ходить, – сказала она.

– Лично я не возражаю, – с некоторым похабством и отпусчным легкомыслием хохотнул отдыхающий, который у себя дома, должно быть, карал дочь и ее подруг за малейшее легкомыслие в туалете.

Георгий взял в руки мяч и, крутя его на одном пальце, независимо прошел мимо девицы. Она была в этот миг без очков и не заметила ни вертящегося на его пальце мяча, ни его самого.

Гоги сделал стойку и пошел на руках. Никто на пляже не удивился – все привыкли к таким его выходкам, к брожению его молодой силы, и сам он ни на секунду не думал о нарочитости своих действий, просто потянуло его встать на руки и он пошел на них. Он шел на руках и смотрел назад, на грубое каменистое небо, а может быть, это было и не небо, а выгнутый бок земли, нависший над голубым простором вселенной, и по нему, по этому боку, вниз головой шествовала девушка, удалялись длинные голени. Девушка почему-то не срывалась в синюю пустоту, а шла, помахивая вялыми красивыми руками.

У Георгия потемнело в глазах, и он сел на гальку. Что-то плакать ему захотелось, и он пощипал себя за усики.

– Гоги! Миленький! – позвала знакомая дама, и он вскочил, словно молодой услужливый лев, плакать ему расхотелось.

Потом он увидел, что очкастая его рисует. Она сидела на надувном матрасике в обществе своей подруги и очень коротко остриженного молодого человека и рисовала в большом альбоме, выглядывая то и дело из-за него, очки ее то и дело вспыхивали на солнце. Гоги как раз играл с дамой в бадминтон. Волан взлетал очень высоко и пропадал в солнечном свете, и дама, колыхая руками, бежала к предполагаемому месту его падения. Гоги вспомнил, как дедушка его осудил эту игру.

– Вот еще новости, – сказал дедушка, – пробкой от шампанского вздумали играть. Нехорошая игра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.